Александр Гоноровский

Х А Д Ж И – М У Р А Т .

Синопсис экранизации по мотивам одноименной повести Льва Толстого.

Жуковский-Москва 2010

Друг мой дражайший, Алексей Фомич!

Шлю тебе душевный поклон из самого сердца войны кавказской, которая была и домом моим и судьбою последние восемнадцать лет. Хочу рассказать тебе о встречах с человеком, который перевернул жизнь мою, и о котором ты, должно быть, слыхал. Смерти ему желали многие, да и я, было дело, сам убить его подумывал из ревности. Страсти сердечные и приключения батальные этот человек вокруг себя порождал нешуточные, в духе известного тебе писателя и бесстрашного нашего рубаки Бестужева-Марлинского. Дружил, с кем нравится и предавал легко. Жизнь дарил щедро и отбирал не задумываясь. Имя ему было - Хаджи-Мурат.

Вот его история.

Предав имама Шамиля, у которого был лучшим и самым грозным наибом, сдался Хаджи-Мурат нынешней осенью моему командиру - сыну наместника полковнику Воронцову, что Воздвиженской крепостью командовал. Хорошо был принят начальством моим и женою его Марьей Дмитриевной. Да и моя Дарья Петровна смотрела на него с интересом. Как же-с – не то разбойник дикий, не то дагестанский Робин Гуд.

Казалось, что все вокруг любили и уважали Хаджи-Мурата кроме имама Шамиля.

Шамиль семью его пленил, чтобы противник поостерегся поднимать против него Дагестан. Среди дагестанцев Хаджи-Мурат в большом почете был. А еще Шамиль нукеров своих за головой Хаджи-Мурата выслал, отряды к Воздвиженской подтянул. Один такой отряд Хаджи-Мурат ночью, до сдачи своей, порешил. Правда, одного нукера по имени Ахдан живым оставил. Мюриды Хаджи-Мурата сказывали, что он им при этом сказал только: «Я его помню». Но об этом странном поступке речь пойдет после. Так вот, душа моя, Алексей Фомич, поставили меня и еще пять душ охранять Хаджи–Мурата, с приказом малыми силами нашими препроводить оного в Тифлис к наместнику светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову и всячески оберегать по пути и после.

Трудное это было задание. Легче ветер за собой на веревке водить, чем такого молодца по лесу.

Я ведь знал его и раньше.

Лет семнадцать до описываемых событий, когда я был еще молодым прапорщиком, служил Хаджи-Мурат верой не верой правдой не правдой нашему царю-батюшке. Но был арестован мной в Хунзахе по, как оказалось потом, наговору Ахмет-Хана, за якобы сношения с Шамилем. С Шамилем тогда Хаджи-Мурат не знался, но я должен был отвезти его в кандалах к генералу Клюгенау для дознания. Порядок такой. Не я его выдумал.

Так вот герой наш во время перехода по горной тропе, сиганул с немыслимой выше облаков кручи и солдата прикованного с собой утянул. Тогда по перевалу кружила метель, дна пропасти не видно. Выжить после такого прыжка невозможно. Все о том говорили.

Мне же еще долго вспоминали этот случай и звания следующего не давали.

Но вернемся к делам недавним.

Для охраны Хаджи-Мурата дали мне четырех казаков: Назарова, Ферапонтова, Игнатова, неделуху Мишкина, да Илюшу – молодого, не нюхавшего пороху, прапорщика. С него еще лоск городской не облез. А восторгов - на весь Кавказ. Вот и все войско. У Хаджи-Мурата отряд тоже был не велик. Огромный безмерно аварец Ханефи, под ним ни одна лошадь твердо не стояла, молодой красавец Элдар, все первой

раной своей, в стычке с мюридами Шамиля полученной, гордился, Гамзало – рыжий и злой молчун, да еще Хан-Магома – веселый, надо заметить, джигит.

БОльший отряд по дикой Чечне, может, и не прошел бы. Слишком силен был в то время Шамиль. Слишком много его народу по лесам шастало.

Надо сказать, что и на засаду мы напоролись быстро. Хорошо – место было мне известное. Там пещерка в горах. В нее отступившие засадники и попали. Хаджи-Мурат мне поначалу не помогал. Думал, что Ахдан (кто за Хаджи-Муратом охотился, и кого Хаджи-Мурат не убивал почему-то) опять куралесит, а когда понял, что не он, когда ему из пещеры кричать стали, что семью его скоро порежут - вот тут озверел. Хорошо, у меня гранаты при себе были. Быстро засадников порешили.

Но вот беда. Один из напавших - раненый, умирая под пыткой, Хаджи-Мурату сказал, что семью его Шамиль в Ведено везет, а сейчас она неподалеку в Чонт-ауле. Что сын его там в яме сидит. А мать Патимат и жена Софиат в сакле заперты у кунака Хаджи-Мурата – Садо.

Может и не видно было, как задело это известие Хаджи-Мурата. Но любил он свою семью шибко.

А жену свою Софиат обрел Хаджи-Мурат, со скалы прыгнув.

Софиат нашла его умирающим, после прыжка.

Не послушал меня Хаджи-Мурат и ночью ушел семью выручать. Мишкин на часах заснул, а он и ушел. Казаки еще шутили, что вот не взял ничего нашего и не убил никого - уже радость.

Догнали мы его перед самым Чонт-аулом. Едем вместе. А что делать? Не свяжешь. Опять куда-нибудь сиганет.

В Чонт-аул просто так не попасть. Место горное, крепость хорошая. С большим отрядом. Мы его брали уже год тому. Так чеченцы снова стены отстроили.

Чтобы аул взять нужно тысячи три войска, да артиллерию стенобитную, да фугасы...

Тут я Хаджи-Мурату путь подсказал. Год назад мы саперные ходы-подкопы под стены рыли для фугасов. Так вот один ход остался. Аккурат под стену крепостную подведен. Не успели использовать. Через другую стену аул взяли.

Нашли ход. Полез Хаджи-Мурат с джигитами под землю, а мы ждать остались. Его семья - это его семья. А мне моих людей жалеть надобно. Опять же год подкопу. Того гляди - обвалится.

Прокопали мюриды кинжалами дыру под стеной. Дыра вышла узкая. Ханефи еле пролез. Несколько аульных джигитов на охране стояли. Их Хаджи-Мурат прирезал. Добралисяь до сакли Садо...

Обрадовался Садо кунаку, рассказал, что действительно вся семья его тут была, но второго дня утром повезли ее дальше – в Ведено. Что обращаются с пленными сносно, разве что сына в яме держат. Да еще платок от Софиат остался. Забыла.

Садо протянул платок Хаджи-Мурату. Но тот не взял его. Отвернулся. Будто не увидел.

Я знаю. После прыжка со скалы, он еще неделю ее за ангела принимал. А когда понял, что живой - наглядеться не мог.

Хороша была Софиат. Потому и украсть хотели. Есть такие тейпы на Кавказе, которые так себе жен добывают. Их даже Шамиль долго вразумить не мог. Тогда Хаджи-Мурат не выздоровел еще. Только из сакли выбираться стал. Нога у него окривела. Хромал шибко. Тогда и разведчика заприметил. У отца Софиат ружье попросил и нож. Все ждал.

Ночью приехали. Успели Софиат связать, на коня кинуть. Но от Хаджи-Мурата не ушли. Жестокость его испугала даже отца Софиат. Горцы к жестокости, друг мой Алексей Фомич, с детства приучены. Для

них отрубленная рука иль голова - обычное дело. Как обед сварить. Только, видно, Хаджи-Мурат и тут отличие имел.

Рассказывали – отрезал у нападавших срамное и на площади выложил. Слышал я, что не все кого он оскопил, умерли. Да-с… Вот так…

Тогда же Хаджи-Мурат попросил Софиат себе в жены. Только отец ее большой выкуп за нее потребовал с перепугу.

Тут мысли мои перебил выстрел. Кто-то выстрелил в Чонт-ауле. Думаю, не само собой это вышло. Видно – следил за нами кто и навел местных нукеров на саклю Садо. Думаю – Ахдан следил. Заядлый, как потом оказалось, человек.

Окружили Хаджи-Мурата в сакле. Я же говорил - большой отряд в ауле. Толкаются. Голосят. И уже совсем пришел бы ему конец.

А улочки в Чонт-ауле узкие. Боевые. Чтобы всадникам не разойтись. Чтоб атакующие, если что, разом не навалились.

Ну, так темнота да теснота были нам тогда на руку.

Мы под землей проползли, по крышам плоским пробрались, бомбы кинули.

Видели бы вы лицо Хаджи-Мурата, когда я в дверь их сакли постучал.

Вместе в темноте ушли.

Вот сейчас пишу и все думаю, прав ли был. Надо было дать им умереть. Все бы лучше. Меньше ему величия – и смертей меньше. Одно другого не стоит.

А потом гнали нас отряды Шамиля. Как поняли, кто в Чонт-ауле свою семью искал, так и началось. В Тифлис пришлось с боем прорываться.

Был случай, что и я думал – все, вот она - смерть наша. Прижали нас к горе. Есть такая – Каменная река ее кличут. Склон у нее юго-восточный не самый крутой, вроде и спуститься можно, хотя и страх все равно. А если чуть шумнешь, слово громкое скажешь, или, не дай Бог, выстрел - потечет склон. Камнепад такой, будто вода в дурной реке. Только вместо струй – камни да валуны. Любого раздавит и разотрет.

Я бы не рискнул, а Хаджи-Мурат сказал, что знает как. Сказал еще, что там идти надо, где кустики чахлые видны, что река, даже каменная, свое русло имеет. Говорил, при нем в детстве один джигит поспорил с его молочным братом старшим сыном хунзахской ханши Абунунцалом, что эту реку каменную пройдет.

Главное - глаза лошадям завязать.

Завязали. Пошли.

А сверху выстрелы. Потек склон.

И вот что я тебе скажу, Алексей Фомич, про кустики и русло реки – это верно все, только наша река это русла при нас сменила раз пять и не было от нее спасения. Однако – прошли. Все. Как заговоренные. Только лошади Мишкина и Гамзало погибли.

«Видно – вторые мы во всем мире, кто эту реку каменную прошел…» - сказал я Хаджи-Мурату.

«Первые, - заулыбался супостат. – Тот джигит ловкий был. Да. Но до середины склона только добрался».

Такой шутник.

Через день - героями в Тифлис вошли. На полном скаку. Кто вперед. С гиканьем татарским и хохотом. Уж больно рисковой дорога вышла.

«Наконец-то, - думал я, - отдохну маленько от дел ратных… Зря думал…»

Сказать хочу, дражайший друг мой, Алексей Фомич, мне и во снах не сниться ничего кроме войны. А как бы хотелось увидеть во сне мою Каменку, да нас тобой на рыбалке на реке нашей Нежинке, как смеемся мы, пойманной в светлой воде ее, никчемушной уклейке.

Тифлис – город столичный, а для Хаджи-Мурата опаснее леса. В лесу – деревья, здесь – люди.

Светская жизнь не нравилась ему. Недоверие к русским проснулось в нем с новой силой.

До смешного доходило. Во время званного обеда, он брал еду с блюд там, где уже брали ее прочие именитые гости. Боялся, что отравят.

Единственное, о чем он мог говорить с русским начальством – вызволение из плена его семьи. Без этого Хаджи-Мурат воевать против Шамиля не мог.

Воронцов обещал. Да все ни как до дела не доходило.

Хаджи-Мурат не верил Воронцову, а Воронцов - Хаджи-Мурату.

Были меж ними две тысячи убитых, сундук и корова.

Престарелый светлейший князь Михаил Семенович Воронцов и Хаджи-Мурат встречались и раньше. На поле брани. Князь затеял кампанию против Шамиля, да Хаджи-Мурат разбил войско его, а потом еще долго преследовал. Князь был тогда болен и несли его в железном, похожем на гроб сундуке, ибо пули мюридов Хаджи-Мурата летали над войском как пчелы над гречишным полем.

Позорная для князя вышла кампания. От вечных стычек с Хаджи-Муратом, голода и холеры умерло две тысячи человек. Даже единственную корову, что держали для молока, ибо князь больше ничего есть не мог, тайком убили и съели милиционеры. А потом бежали прочь, из-за страха наказания.

Бал и дамы с напудренной грудью, оперный театр вызывали в Хаджи-Мурате отвращение. Он везде брал меня как толмача, отчего я смог узнать поближе тифлисское общество.

Одна дама уж очень его добивалась. Письма писала страстные. Начиталась дура французских романов, а мне – вместо него отвечай.

Людей он определял не по богатству наряда, наградам на мундире. Может - по глазам, может - по запаху, но животное чувство его было довольно точным, окончательным, несло с собой печать приговора.

Вот с женой моей Дарьей Петровной он беседовать любил. Я и им толмачил.

Дарья Петровна, не смотря на опасность дороги, примчалась в Тифлис, как только дошла до нее весть о тех приключениях, что с нами случились.

За женой моей и Илюша ухаживать стал. Одевался он теперь как чеченец и все больше подражал Хаджи-Мурату. Ходил как он. Как он скалил в улыбке зубы. Впрочем, все это было смешно.

Нам приходилось серьезно охранять Хаджи-Мурата и на конных ежедневных загородных прогулках, без которых он себя просто не мыслил, и во время прогулок по городу.

Однажды он чуть не зарезал начальника милиции, который нехорошо при нем сказал. Посмеялся. Еле мы удержали и милицию и его.

И чем дальше, тем труднее нам было. Все больше маялся человек. А когда такой мается – добра не жди.

Хаджи-Мурат любил ходить на тифлисский рынок. Любил, когда узнавали и шептались ему вслед.

Подойдет к барашку, похлопает, подмигнет мюридам – хороший калым. Смеются мюриды. И даже мои дураки смеются, а и мне и им невдомек почему.

Ханефи потом рассказал.

Тогда Хаджи-Мурат уже у Шамиля наибом был, собрался калым платить за Софиат. Но простой калым ему показался мал. Вот и надумал с мюридами отбить самое большое стадо баранов, что было на

Кавказе. Ни много ни мало – двадцать восемь тысяч голов. Большое было стадо. Богатый тейп его держал. Сильный.

Так вот случилось – наскочил Хаджи-Мурат на аул, когда отряд местный в стороне промышлял, народу перебил множество, и угнал стадо.

От горизонта до горизонта оно было.

Огромно.

А было у него в ту пору всего 200 мюридов. Да и не приучены были они баранов гонять.

Стадо разбредается. Мюриды туда-сюда скачут. Не повернуть такую махину.

Одним словом – нагнала их погоня. И была битва среди баранов. Говорят – мальчишки до сих пор в горных аулах в нее играют. Сойдутся посреди отары - и ну друг дружку лупить.

Однако калым Хаджи-Мурат все-таки заплатил. Правда овец всего осталось три, да и тех на празднике съели.

Хорошо мюридам ходить по рынку. Тут душа их отдыхала.

А я чувствовал - что-то случится. Все время тяжесть в затылке, будто кто-то сзади смотрит. Однажды чуть мальчонку не прибил, прости, Господи, за то, что тот в Хаджи-Мурата орехом греческим кинул. Веришь, нет, Алексей Фомич, орех на лету поймал. Сам себе удивился.

На рынке покушение и произошло. Убивец хорошо подготовился, но крик торговца, сбил его шаг и кинжал только возле уха Хаджи-Мурата вжикнул, да ткань не плече распорол.

И началась погоня. По рынку, по тесным улочкам, по крышам домов. Молодцы мои, мюриды Хаджи-Мурата – все гнались за убегавшим. И я не отставал. Хотя и не люблю я эти погони. Бежал и думал, о своих уже не малых годах, о скудных силах, о том, что надо бросить хлестать каждый день водку и меньше курить, что, слава Богу, знаю Тифлис, знаю где путь срезать.

Загнали мы напавшего в один домик, окружили. Он кричал, стрелял, сдаваться не желал, да и ребенка перед собой держал на манер щита - семилетнего сынка купца Мхеидзе.

И тут одна смешная задумка пришла мне в голову, Алексей Фомич. Взял я железку похожую на бомбу, тряпку внутри нее от трубки запалил и бросил в дом. Выпрыгнул наш джигит. Не разобрался. Тут мы его, голубчика, и связали.

Это был тот самый Ахдан, о котором писал ранее.

Но даже допросить его я не успел.

Утром в холодной, где сидел Ахдан, остались лишь веревки порезанные. Стало быть, помог ему кто-то. Да уж понятно кто. Пришел я к Хаджи-Мурату злой, спросил. А у того один ответ: «Я его помню».

Хотел бросить Хаджи-Мурата. В канцелярию светлейшего князя ходил. Да приказ есть приказ.

Мюриды Хаджи-Мурата вроде сдружились с моими казаками. Вместе ходили. Кунаки прямо.

Ханефи все коня у Назарова выменять пытался. Конь Назарова большой был, единственный, что под Ханефи не шатался.

Элдару девушка одна глянулась - Лейла. Дочь того самого купца Мхеидзе, чьего сына мы выручили. Элдар ей все шрам на шее показывал, что в битве с мюридами Шамиля перед Воздвиженской получил. Смешной был шрам, небольшой. Краем кинжала кожу сорвало. Но других шрамов у Элдара не было. Вот и красовался джигит, чем мог.

Людям надо куда-то девать свою силу. Наверное, потому в почти мирной жизни думать начинаешь не о том. О румянце, который не к месту появлялся на щеках Дарьи Петровны. О бурке, которую подарил ей для меня Хаджи-Мурат, о телячьих нежностях Илюши, что принес жене моей букет. Смешной букет с сорняком

посредине. А потом этот сорняк я увидел на столе в комнате Хаджи-Мурата. Взял цветок в руки. Хаджи-Мурат внимательно за мной следил. Я цветок скомкал и в окно, как мусор никчемный выбросил. Не знал, что злость во мне такая быть может. Ее и Хаджи-Мурат почуял, покивал одобрительно.

«Из тебя хороший кунак, - сказал. – А враг – еще лучше…»

Дарья Петровна на вопрос мой, сказала, что ничего меж ними быть не могло, и что всем потребны внимание, забота и маленькое счастье. О чем эти слова были, я до сих пор не пойму. Хотя, думаю, дорогой мой Алексей Фомич, у кого есть маленькое счастье, тому хочется и по боле.

Было ли у Хаджи-Мурата счастье? Было.

Когда улыбалась Софиат.

Когда он впервые побрил голову сына. Когда первый раз взял его в набег. Когда, преследуя отряды Воронцова, учил его не бояться и биться во славу Шамиля. Когда тот убил первого уруса, которого для верности Хаджи-Мурат держал за воротник.

Зол я был на Хаджи-Мурата, может и беспричинно, а тут еще Илюша с новым букетом. Вспылил я. Отчитал юнца. Так что же вы думаете, он меня на дуэль вызвал. Чтобы непременно поутру стреляться. И мне лучшему стрелку полка - первый выстрел. А Илюша, когда стрелял, даже казаки в сторону отходили. Он ведь в белый свет метил как в копеечку.

Поутру выехали за Тифлис. И Хаджи-Мурат с нами. Мюридам ехать, вроде как, запретил, а сам поехал.

Расположились. Встали. Поднял я пистолет. Смотрю – Хаджи-Мурат опять внимательно так смотрит, как тогда. Когда я репейник в окно выкинул. А у Илюши губы дрожат. Очень я это хорошо видел, что губы дрожат. Ну, и не стал стрелять. Извинился.

И вот что меня удивило. Хаджи-Мурат молодцом после всего этого меня посчитал.

«Не убивай душу, которую запретил Аллах, - сказал, палец поднял. – Коран – умная книга».

И не было понятно мне, шутит этот душегубец или серьезен.

Этим же утром был найден начальник местной милиции – тот самый, что как-то повздорил с Хаджи-Муратом. Старшая жена нашла его с перерезанным горлом.

Странное ощущение посетило меня тогда, Алексей Фомич. Что все мы. И я, и казачки мои, и Илюша и даже Дарья Петровна при Хаджи-Мурате дичать стали.

Видно есть люди, вокруг которых мир вращается. И отслужи ты хоть три тысячи лет, будь хоть капитан, хоть христианин, хоть мусульманин, хоть светлейший князь, хоть сам государь, а попадешь вот так, и будешь вращаться вокруг, может, и вовсе чуждого тебе человека.

Тут дошел до нас слух, что Шамиль обещал сына Хаджи-Мурата ослепить к рамадану, а женщин его по аулам раздать.

А до рамадана осталось всего ничего.

Как узнал, сказал Хаджи-Мурату. Он в лице не изменился, засобирался к светлейшему с просьбой о переводе.

Перевели нас в Нуху. Ближе к Ведено. Оттуда можно было снестись с Шамилем. Но время шло. Посыльные Хаджи-Мурата уходили и возвращались ни с чем.

Раз застал Дарью Петровну в слезах. Сделал вид, что не заметил.

За пять дней до рамадана позвал меня к себе Хаджи-Мурат. Письмо дал запечатанное. Попросил лично и немедля отвезти светлейшему. Сказал, что от этого жизнь зависит.

Отправился я в дорогу. Только предчувствие тяжелое не давало мне покоя. Не писал никогда Хаджи-Мурат писем. Да и был ли он грамотен? Раньше все письма я ему составлял. Даже для той дамы, что

забрасывала его любовными посланиями. Сутки скакал. Вдруг стал посреди дороги, раскрыл конверт. А там – пустой лист.

Поворотил назад.

Не успел.

В то время Хаджи-Мурат уже сказал своим мюридам, что Шамиль их ждет, что примут их как братьев. Поверил ему только Гамзало. Больно хотел он вернуться на волю к Шамилю. Остальные промолчали, понимая, что семья Хаджи-Мурата важнее их жизней.

Утром, как обычно, выехали на прогулку. Хаджи-Мурат. Мюриды. Казаки во главе с Илюшей.

Вышли из Нухи. Хаджи-Мурат все прибавлял ход, перешел на скок. Тогда догнал его Назаров на огромном своем рыжем мерине и приказал остановиться. Хаджи-Мурат выстрелил в Назарова. Мюриды порезали казаков. И Илюшу бог не спас. Стрельнул в Хаджи-Мурата из своего нового пистолетика с ручкой инкрустированной. Так и представляю, как губы опять у него дрожали. Промахнулся. Хаджи-Мурат даже стрелять ему не мешал. Смотрел так же внимательно, как тогда на дуэли.

Элдар Илюшу шашкой по животу полоснул.

Только Мишкин успел ускакать. Его так никто за воина и не принял.

Ушел Хаджи-Мурат.

Скакали во весь опор.

А Ханефи бил кнутом прикормленного и обласканного им рыжего мерина Назарова, что еще долго следовал за ним и удивленно ржал от такой его недоброты.

Погоню за Хаджи-Муратом отрядили тут же. Но не нашли бы. Если бы не Ахдан, который как чертик из бутылки вылез. Он так и следовал за Хаджи-Муратом все это время. Ждал. Видно – дождался.

Ахдан отряду дорогу указал. Нагнали. К реке прижали. Милиция во главе с Калгановым, казаки… Всего сабель двести… Потом еще Гаджи-Ага подоспел. Еще двести нукеров.

Только не они Хаджи-Мурата убили. Ахдан убил. Пробрался ближе всех к завалу и стрелял неторопливо. Два раза попал. Один раз в плечо, другой в живот.

Хаджи-Мурат ватой из бешмета раны затыкал. Да разве уймешь горячую кровь?

Потом, когда с завала отвечать перестали, пустили на Хаджи-Мурата расседланных лошадей.

Потом только сами пошли.

Бродили среди лошадей. Искали.

Элдар смог подняться навстречу. Изрубили Элдара. Столько ран на теле – мечта джигита.

Связали оглоушенного Ханефи. Тому лошадь по голове копытом попала.

Хаджи-Мурат уже мертвый был. Лежал. Улыбался. Будто смеялся над всеми.

Гаджи-Ага ему голову отсек.

Ахдана Ханефи увидел, когда связанный на дроге сидел. Но не выдал.

Мишкин на Ахдана указал. Связали и Ахдана.

Так он пред мои очи и предстал.

И узнал я тогда, почему Ахдана Хаджи-Мурат отпускал.

Было Хаджи-Мурату семнадцать лет, когда он испугался. Испугался когда убивали его молочных братьев – детей хунзахской ханши. Испугался так, что бежал, бросив коня, потеряв на поле боя и ружье и кинжал. Ахдан же бежал за ним. Бежал, чтобы убить. Но не догнал и смеялся ему вслед и кричал, что Хаджи-Мурат трус.

Только не знал тогда Ахдан, что Хаджи-Мурату с тех пор стыдно было бояться. Что пришлось ему всю жизнь давить из себя страх.

Выпил я в тот вечер крепко, Алексей Фомич. Плохо мне было. За что казачки мои смерть приняли? Почему Хаджи-Мурат меня в живых оставил? Кого я охранял и зачем? Есть такая пословица на Руси. Ее аккурат после наполеоновской кампании придумали. «Огонь. Вода. Медные трубы. И чертовы зубы». Не дай Бог на эти зубы попасть, Алексей Фомич. Не дай Бог.

Потом голову Хаджи-Мурата привезли, и что на меня нашло, не знаю. Может от того, что в руках у Дарьи Петровны снова увидел тот сорняк, который она подарила Хаджи-Мурату. Может от того, что Дарья Петровна назвала нас всех живорезами.

Только взял я голову Хаджи-Мурата и в губы эту голову поцеловал. И офицеры, что со мной в возлиянии участвовали, сделали тоже самое. Дикий, однако, вышел обычай.

Хватит с меня войны, Алексей Фомич. В отставку пора нам с Дарьей Петровной. Восемнадцать лет. Навоевался. Пусто мне здесь. Домой хочу - в родную мою Каменку. Встречай скоро, душа моя.

Остаюсь вечно твой друг.

Отставной гвардии капитан Павел Иванович Нежин.

Писано в крепости Воздвиженской 10 июня 1852 года.

Автор: Гоноровский Александр Александрович

моб. 8-903-546-1420

дом. (495) 580-68-06

e-mail: gonor2000@gmail.com

Несколько основных терминов и имен.

Имам Шами́ль (1797—1871) — предводитель кавказских горцев, в 1834 признанный имамом. Объединил горцев Западного Дагестана и Чечни, а затем и Черкесии в теократическое государство Имамат и до взятия в плен при штурме Гуниба в 1859 князем Барятинским энергично вёл борьбу против русской власти. Перевезённый в Калугу, а затем в Киев, получил наконец обещанное ещё на Гунибе разрешение совершить паломничество Хадж в Мекку, где и умер.

Мюрид (MÜRÎD, араб. مريد , дословно «сила воли», «самоуважение», переносно «ученик») Так в мусульманских странах называют человека, желающего посвятить себя исламу и овладеть основами мистического учения — суфизма. **Мюрид** избирает себе учителя — **мюршида** (шейха) или пира, которому обязан повиноваться до инициации. Между мюридом и мюршидом устанавливается духовная связь (нисбат). Мюриды Хаджи-Мурада – его воины, его духовные ученики. Он для них - **мюршид**.

Наиб (араб. نائب — заместитель, уполномоченный, наместник). В имамате Шамиля — его уполномоченный, осуществлявший военно-административную власть на определённой территории. Хаджи-Мурат был наибом Шамиля.

Тейп (вайнах. *тайпа* — «род, племя») — средневековая родоплеменная община вайнахских народов (чеченцев и ингушей), состоящая из нескольких родовых общин с общим происхождением от конкретного лица, либо лиц одного рода занятий.